DOI: 10.17117/na.2015.08.1584

<http://ucom.ru/doc/na.2015.08.1584.pdf>

Поступила (Received): 31.08.2015

Аюпова Е.И.

Повтор как текстообразующий фактор (на материале «Огласительного слова на Пасху» свт. Иоанна Златоуста)

Ayupova E.I.

Repeat as text-formation factor (based on the material of st. John Chrysostom's "Catechetical word for Easter")

В статье анализируется текстообразующая функция различных видов повтора в греческом первоисточнике «Огласительного слова на Пасху» свт. Иоанна Златоуста. Делается вывод об особой значимости и символической наполненности таких видов повтора, как синтаксический параллелизм и цитирование Священного Писания.

Ключевые слова: Иоанн Златоуст, «Огласительное слово на Пасху», повтор, текстообразование, синтаксический параллелизм, цитирование Священного Писания

The article analyzes the text-formation function of different types of repetition in the original Greek text of st. John Chrysostom's "Catechetical word for Easter". The conclusion is made about the special significance and symbolic content of such types of repetition, as syntactic parallelism and Scripture quoting.

Key words: John Chrysostom, "Catechetical word for Easter", repeat, text-formation, syntactic parallelism, Scripture quoting

Аюпова Елена Ильдаровна

Кандидат филологических наук, доцент
Казанская православная духовная семинария
г. Казань, ул. Челюскина, 31 а

Ayupova Elena Ildarovna

Candidate of philology, associate Professor
Kazan Orthodox theological Seminary
Kazan, Chelyuskin str., 31 a

«Огласительное слово на Пасху» святителя Иоанна Златоуста (далее – «Слово») принадлежит к лучшим образцам церковного красноречия, совершенно оправдывающим достойное наименование своего автора. Творение «златых уст» архиепископа Константинопольского Иоанна отличают и внешняя (формальная, языковая) гармония, и внутренняя (смысловая, богословская) глубина. По сложившейся традиции «Слово» по сей день читается во всех православных храмах ежегодно на пасхальной заутрене, и такое отношение Церкви к этому произведению свидетельствует о признании его важности и действенности для православной миссии. «Огласительное слово» («Λόγος κατηχητικός») предназначено прежде всего для «оглашенных» (катехуменов), то есть тех, кто ещё не стал «верным» (христианином) и только готовится к принятию таинства Крещения. Связь этого жанра святоотеческой литературы с праздником Пасхи объясняется древней традицией совершать Крещение именно в Великую Субботу, накануне Воскресения Христова. Данное предназначение текста определяет такие его качества, как, с одной стороны, крат-

кость, доступность, упрощенность изложения, а с другой – содержательная ёмкость, экспликация важнейших идей православного вероучения в яркой образной форме.

В настоящей работе мы поделимся с читателем некоторыми наблюдениями над лингвистической составляющей средневекового греческого оригинала «Слова» (цит. по [1], перевод наш. – Е.А.), а именно над принципами текстопостроения, обуславливающими упомянутую выше гармоничность произведения и акцентирующими его символический подтекст. По нашему убеждению, в формальном отношении главным текстообразующим фактором «Слова» является многогранный повтор тех или иных языковых средств, проявляющийся на различных уровнях: фонетическом, лексико-семантическом, морфологическом, синтаксическом. Но самым важным видом повтора является, несомненно, пронизывающее весь текст цитатное отражение и символическое преломление фрагментов Священного Писания, обеспечивающее идейно-смысловую организацию произведения. Рассмотрим отдельные виды повтора с точки зрения их текстообразующей функции.

Во-первых, если обратиться к греческому первоисточнику, становятся очевидны некоторые фонетические переключки в тексте. Так, полностью совпадают по звучанию императивные формы ἀπολαύετω, ἀπολαύετε ('пусть наслаждается', 'наслаждайтесь' от ἀπολαύω) и ἀπολαβέτω, ἀπολάβετε ('пусть получит', 'получите' от ἀπολαβάνω). Едва ли такой точный повтор омоформ разных по семантике слов можно считать случайным. Вероятнее всего, автор этим способом выделил два наиболее весомых, символически значимых глагола первой половины произведения: если слово *наслаждаться* связано с ключевым образом роскошного «пира» (духовного празднества), на который приглашаются все верующие («гости»), то глагол *получать* в сочетании со словами *динарий* (δηνάριον), *мзда* (μισθός) отсылает нас к евангельской притче о работниках виноградника и воздаянии за труды (Мф. 20:1-16), развёрнутая аллюзия на которую открывает «Слово».

Определённое фонетическое и словообразовательное сходство имеют такие характеристики доброго «работника-гостя» (верующего человека) и его «господина-хозяина» (Творца), как, соответственно, φιλόθεος 'боголюбивый' и φιλότιμος 'щедрый' (букв. 'честолубивый'). Эта соотнесённость определений становится очевиднее, если учесть их позицию в тексте: оба слова-характеристики располагаются в начале соответствующих фрагментов, описывающих «работников» и их «господина», что свидетельствует о важности названных признаков (в отношении «господина» он и вовсе оказывается единственным).

В выражении ἀπολαύσατε τοῦ πλούτου τῆς χρηστότητος 'насладитесь богатством благодати', несомненно, присутствует фонетический намёк на слово Χριστός, которое многократно повторяется чуть позже – в заключительном фрагменте «Слова». Удивительный факт случайного созвучия и смысловой близости греческих слов χρηστός 'благий, добрый' и Χριστός 'помазанник, мессия' был замечен ещё первыми христианами. Так, в 1-й апологии св. Иустина Философа (цит. по [2]) находим следующее замечание, обыгрывающее это со-

звучие: Χριστιανοὶ γὰρ εἶναι κατηγορούμεθα· τὸ δὲ χρηστὸν μισεῖσθαι οὐ δίκαιον (в русском переводе игра слов исчезает: 'Нас ведь обвиняют в том, что мы – **христиане**, **добро** же ненавидеть несправедливо'). Это созвучие породило и известную ошибку славянских переводчиков. В 9 песни канона из Последования ко Св. Причащению читаем: **Христосъ** ѣсть, вкѹсите ꙗ̑ вѣдите: гдѣ насъ радн... (при этом слова *Христос* и *Господь* разделены и синтагматически, и по смыслу), тогда как в греческом тексте (см. [3]) употреблён омоним *добрый, благой*, относящийся к слову *Господь*: Χρηστός ἐστί, γεύσασθε καὶ ἴδετε, ὁ Κύριος· δι' ἡμᾶς... ('**Благ** есть, вкусите и узрите, **Господь**: нас ради...'). Налицо смешение греческих омонимов при переводе.

Во-вторых, текст «Огласительного слова» содержит множество повторов лексического характера. К уже упомянутым повторам омоформ лексем *наслаждаться* и *получать* можно добавить неоднократное употребление форм таких ключевых слов, как *первый* (πρῶτος), *последний* (ἔσχατος), *поститься* (νηστεύω), *работать* (ἐργάζομαι), *смерть* (θάνατος), *Ад* (Ἅδης), *огорчать* (πικραίνω), словосочетания *воскресе Христос* (ἀνέστη Χριστός). Первые 4 из названных лексем формируют знаковый для начальной части «Слова» образ «работника» (то есть христианина, совершавшего духовный труд во время Великого Поста), вторая группа слов выражает идею победы Воскресения Христова над смертью/Адом.

Несколько раз повторяются в тексте однокоренные лексемы с семантикой радости – глагол *радоваться* (χαίρω) и существительное *радость* (χαρά), в том числе в одной синтагме: *пусть войдёт радуясь в радость Господа своего* (εἰσελθέτω χαίρων εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτοῦ). Эти слова не просто являются по смыслу ключевыми для сочинения о празднике Пасхи, но и отсылают читателя/слушателя к евангельской притче (Мф. 25:21).

Любопытную функцию выполняет в «Слове» повтор антонимичных пар однокоренных лексем *богатый* (πλούσιος), *богатство* (πλοῦτος) – *бедный* (πένης), *бедность* (πενία). Если в случае с субстантивированными прилагательными мы имеем дело с противопоставлением прямых значений слов (Πλούσιοι καὶ πένητες μετ' ἀλλήλων χορεύσατε '**Богатые и бедные**, запляшите друг с другом'), то при употреблении абстрактных существительных наблюдается перерастание буквального смысла в символический: прямое значение слова во фразе Μηδείς θρηνεῖτω πενίαν ('Пусть никто не оплакивает **бедность**') противопоставляется символическому значению его антонима в призыве Πάντες ἀπολαύσατε τοῦ πλούτου τῆς χρηστότητος ('Все насладитесь **богатством** благодати').

Фактами лексико-семантического повтора можно считать случаи синонимического варьирования, в том числе при контекстуальной синонимии. Так, семантика 'последний' реализуется парой синонимов ἔσχατος и ὕστερος, второй из которых имеет яркий временной оттенок 'поздний', что позволяет всю широту семантики первого синонима ('последний по времени', 'последний по достоинству', 'последний по социальному статусу' и т.п.) привязать к евангель-

скому образу опоздавшего/припозднившегося работника (интересно, что в библейском первоисточнике используется только многозначное ἔσχατος).

Синонимы встречаются в тексте «Слова» неоднократно: идею сомнения выражают глаголы ἀμφιβάλλω и ἐνδοιάζω, идею наслаждения – глаголы ἀπολαύω и τρυφάω, идею сетования, оплакивания – глаголы θρηνέω и ὀδύρομαι и т.д. Но особый интерес, на наш взгляд, представляют контекстуальные синонимы, наличие которых позволяет выявить важную интегральную сему у сопоставленных в контексте слов. К примеру, говоря о безмерном милосердии Господа, создатель «Слова» сближает контекстуально пары лексем ἐλεεῖ ‘милует’ и θεραπεύει ‘исцеляет, заботится’, δίδωσι ‘даёт’ и χαρίζεται ‘дарует’, δέχεται ‘принимает’ и ἀσπάζεται ‘приветствует’, τιμᾷ ‘читит’ и ἐπαινεῖ ‘хвалит’. Контекстуальная синонимизация глаголов в данном фрагменте «Слова» даёт возможность объединить и связанные с этими глаголами антонимы (*первый – последний, тот – этот, дело – намерение* и пр.), а это служит, несомненно, выражению важнейшей идеи: для Бога все равны, даже между крайними противоположностями разница стирается.

Большую роль в текстопостроении играют и элементы разного рода грамматического повтора. При этом можно констатировать, что явления морфологического уровня (например, нанизывание однородных грамматических форм – в первой части текста прежде всего императивных, во второй – форм аористного индикатива) полностью подчиняются реализации *синтаксического параллелизма*. И если по содержанию «Слово» святителя Иоанна Златоуста можно условно разбить на 2 большие части («призыв к верующим» и «констатация факта Христовой победы над Адом»), то более мелкое деление на 5 относительно цельных фрагментов (в этом мы полностью солидарны со С. Ивановой [4]) нетрудно произвести, опираясь именно на синтаксическую параллельность конструкций в каждом из этих фрагментов.

Открывает «Слово» восьмикратный повтор союзно-местоименного комплекса εἴ τις ‘если кто’, начинающего характеристику «работников»-христиан и сочетающегося в главной части предложений с различными императивными формами 3 лица Sg. (в последнем случае закономерно заменёнными конъюнктивом с отрицанием), которые выражают призыв к верующим (*пусть насладится, пусть войдёт* и т.п.). Такие условные зачины демонстрируют весь вариативный ряд характеристик «работников», восходящий к евангельскому образу, а однотипность конструкций передаёт важную идею равенства столь разных личностей в описываемой ситуации. Итак, первый тематически и композиционно выделяемый фрагмент можно условно обозначить как «призыв ко всем работникам прийти за наградой к господину (Господу)».

Далее следуют параллельно построенные высказывания с повторяющимся союзом καί ‘и’, который объединяет выраженные лексически противоположности перед милосердием и щедростью Создателя (*И последнего милует, и первого исцеляет* и пр.). Идея равенства верующих перед Богом развивается здесь на новом уровне – при характеристике самого Владыки (наименование Δεσπότης ‘Владыка’ у Златоуста соответствует евангельскому композиту

οἰκοδεσπότης ‘домовладелец’), которая составляет содержание второго фрагмента.

Эти конструкции сменяет призыв, снова выраженный синтаксически параллельными фразами: антонимичные обращения, связанные одиночным союзом καί ‘и’, в сочетании с императивами 2 лица Pl. (*Постившиеся и не постившиеся, возрадуйтесь сегодня* и под.). Затем следует повтор (в каждом случае тоекратный) конструкций типа πάντες ‘все’ + императив 2 лица Pl. и μηδείς ‘пусть никто не’ + императив 3 лица Sg. Данный фрагмент представляет собой описание «царского пира» и поведения гостей на нём, он завершает первую крупную часть «Слова» – «призывную», однако между обеими частями произведения нет резко очерченной границы, чему способствует наличие пояснительных аористных индикативов с частицей γάρ ‘ведь’ при анафорах с μηδείς (*Никто пусть не оплакивает прегрешения: прощение ведь из гроба воссияло* и под.).

Именно повтор форм аористного индикатива (реже перфектного) при сохранении принципа синтаксического параллелизма становится характерной чертой четвёртого фрагмента «Слова», посвящённого Сошествию во Ад: констатация факта победы над Адом опирается на формы прошедших времён. При этом параллелизм синтаксических конструкций сочетается в данном фрагменте с лексическим повтором конкретных глаголов (πικραίνω ‘огорчаю’, λαμβάνω ‘беру’) в аористных формах: Ἐπικράνθη, καὶ γάρ... (‘Огорчился, ибо...’) + Aor. pass.; Ἐλαβεν... καὶ... (‘Взял... и...’) + Aor./Perf. act.

Любопытно, что последнем (пятом) фрагменте «Слова», провозглашающем Воскресение Христово, аорист в синтаксически параллельных конструкциях сменяется перфектом (как временем, связывающим прошлое и настоящее) или презенсом: Ἀνέστη Χριστός, καὶ πεπτώκασι δαίμονες ‘Воскресе Христос – и **пали** демоны’; Ἀνέστη Χριστός, καὶ χαίρουσιν Ἄγγελοι ‘Воскресе Христос – и **радуются** ангелы’ и под. Смена повторяющихся грамматических времён, вне всякого сомнения, не случайна: она не только организует текстовое пространство, обеспечивая одновременно дискретность и связанность отдельных его фрагментов, но и передаёт главную идею торжества произошедшего великого События в настоящем, а завершающая фраза с конструкцией εἰς τοὺς αἰῶνας τῶν αἰώνων ‘во веки веков’ проводит мост к будущему и вечности.

Наконец, отметим текстообразующую специфику цитирования как важнейшего из видов повтора в «Слове». Разделение всего произведения на композиционно-смысловые фрагменты опирается во многом на разные библейские аллюзии, отталкивается от них, развивает их.

Первая часть текста («призывная») по своей образности новозаветная: в ней содержится намёк на 4 евангельских фрагмента – притчу о работниках в винограднике (Мф. 20:1-16), притчу о царском пире (ср. Мф. 22:1-14, Лк. 14:16-24), притчу о талантах (Мф. 25:14-30), притчу о верном слуге (Мф. 24:42-51). Повтор этих сюжетов в «Слове» разнообразен: это и буквальное цитирование (фраза εἰσελθέτω χαίρων εἰς τὴν χαρὰν τοῦ Κυρίου αὐτοῦ ‘пусть войдёт радуясь в радость Господа своего’ почти дословно повторяет евангельский оборот εἰσελθε εἰς τὴν χαρὰν τοῦ κυρίου σου ‘войди в радость Господа твоего’ (Мф.

25:21, 23)), и развёртывание образа (в его символическом толковании), которое базируется на лексических знаках-сигналах: *раб благоразумный* (δοῦλος εὐνῶμων, ср. πιστὸς δοῦλος καὶ φρόνιμος ‘верный раб и разумный’ (Мф. 24:45)), *динарий* (δηνάριον), наименования часов (*первый, третий, шестой, девятый, одиннадцатый* (Мф. 20:1-16)), *Владыка* (Δεσπότης, ср. οἰκοδεσπότης ‘домовладелец’ (Мф. 20:1)), *Господь* (Κύριος, ср. κύριος τοῦ ἀμπελῶνος ‘господин виноградника’ (Мф. 20:8)). Образ царского пира почти не отражается лексически, но связь с первоисточником и здесь несомненна, об этом чётко свидетельствует идейная параллель *царский пир – Царствие Небесное*: выражение ἐφάνη γὰρ ἡ κοινὴ βασιλεία ‘явилось ведь общее царство’ восходит к разъяснению Христа о подобии Царствия Небесного царю, устроившему брачный пир для своего сына (Мф. 22:2).

Вторая часть «Слова» опирается на пророческие ветхозаветные цитаты (Ис. 14:9), (Ос. 13:14), перекликающиеся с новозаветными (1Кор. 15:55), (1Кор. 15:20, Кол. 1:18). Рассмотрим их соотношение с текстом «Слова». Наибольшие вопросы вызывает цитата из пророка Исайи: Καὶ τοῦτο προλαβὼν Ἡσαΐας ἐβόησεν· ὁ Ἄδης φησὶν, ἐπικράνθη συναντήσας σοι κάτω (‘И это предвосхитив, Исайя возопил: *Ад, говорит, огорчился, встретив тебя внизу*’). Цитата очень точная, единственное расхождение – наречие κάτω ‘внизу’ вместо κάτωθεν ‘снизу’ (в Библии оно стоит после слова *Ад*). Относя эту цитату к Сошествию Христа во Ад, святитель многократно акцентирует ключевую глагольную форму ἐπικράνθη, поясняет её смысл (*огорчился, ибо...*). Она также является скрепой между образами «пира» (Христос у Златоуста *огорчил Ад, вкушивший плоть Его*) и «победы над Адом» (то есть между двумя основным частями текста). Цитата из пророка Исайи становится центром четвёртого фрагмента о Христовой победе, приобретая в тексте исключительную значимость. Но если мы обратимся к библейскому контексту (Ис. 14), то обнаружим, что к Христу эта цитата просто не может иметь никакого отношения, ибо под местоимением *ты* в ней подразумевается царь Вавилонский как исчадие зла, чья смерть принесла облегчение земле и горечь, огорчение подземному царству (Аду, Преисподней). Таким образом, данная цитата, будучи вырванной из контекста, в «Слове» приобретает абсолютно новый смысл, не соотносимый с исходным.

Вторая пророческая цитата у Златоуста слегка трансформируется по форме (Ποῦ σου θάνατε τὸ κέντρον; ποῦ σου Ἄδῃ τὸ νῆκος; ‘Где твоё, смерть, жало? Где твоя, Ад, победа?’, ср.: Ποῦ ἡ δίκη σου θάνατε; ποῦ τὸ κέντρον σου Ἄδῃ; ‘Где приговор твой, смерть? Где жало твоё, Ад?’ (Ос. 13:14); Ποῦ σου θάνατε τὸ νῆκος; ποῦ σου θάνατε (Ἄδῃ) τὸ κέντρον; ‘Где твоя, смерть, победа? Где твоё, смерть (Ад), жало?’ (1Кор 15:55)), оставаясь точной по существу, поскольку и в Священном Писании, и в «Слове» она выражает идею победы Бога над смертью.

Наконец, завершает «Слово» цитата из посланий апостола Павла: Χριστὸς γὰρ ἐγερθεὶς ἐκ νεκρῶν ἀπαρχὴ τῶν κεκοιμημένων ἐγένετο ‘Христос ведь, восстав из мертвых, *началом усопших* стал’, ср.: Νυνὶ δὲ Χριστὸς ἐγύγερται ἐκ νεκρῶν ἀπαρχὴ τῶν κεκοιμημένων ‘Ныне же Христос воскрес из мертвых, *начало* усоп-

ших' (1Кор. 15:20); ὅς ἐστιν ἀρχή, πρῶτόκοκος ἐκ τῶν νεκρῶν 'который есть начало, первенец из мертвых' (Кол. 1:18). Слово ἀρχή (как и славянское начѣтокъ) помимо широкого значения 'начало, основа' может иметь и более конкретное – 'первины, первые плоды, первое изделие' [5, с. 191–192], и, возможно, именно этот смысл вкладывал в это слово апостол (как и Златоуст вслед за ним), о чём косвенно свидетельствует вторая из апостольских цитат, содержащая слово πρῶτόκοκος 'первенец'. Роль данной цитаты, занимающей в тексте «Слова» финальную позицию, также чрезвычайно важна: она становится опорой и утверждением кульминации – торжественной заключительной анафоры с выражением Ἀνέστη Χριστὸς 'Воскресе Христос'.

Итак, мы убедились, что различные виды повтора пронизывают «Огласительное слово на Пасху» свт. Иоанна Златоуста на всех языковых уровнях. Для текстопостроения особую важность приобретают, разумеется, синтаксический параллелизм и цитирование как композиционный приём. Будучи почти лишённым привычных словесных украшений (тропов), «Слово» тем не менее обладает яркой стилистической выразительностью, за которой прочитывается символическая глубина, «скрытый в композиции крест» [4]: связь времён (от Ветхого Завета к Новому, от прошлого через настоящее к будущему и вечности) и пространственных символов (духовное восхождение человека к Богу, низложение Ада и торжество Царствия Небесного).

Список используемых источников:

1. ΕΛΛΗΝΙΚΑ ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΚΑ ΚΕΙΜΕΝΑ ΤΗΣ ΟΡΘΟΔΟΞΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣ.
URL: <http://glt.xyz/texts/Pen/Pascha.uni.htm>
2. Thesaurus Linguae Graecae (TLG). URL: <http://www.tlg.uci.edu>
3. ΑΚΟΛΟΥΘΙΑ ΤΗΣ ΘΕΙΑΣ ΜΕΤΑΛΗΨΕΩΣ // ΕΛΛΗΝΙΚΑ ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΚΑ ΚΕΙΜΕΝΑ ΤΗΣ ΟΡΘΟΔΟΞΗΣ ΕΚΚΛΗΣΙΑΣ. URL: http://users.uoa.gr/~nektar/orthodoxy/prayers/service_communion_translation.htm
4. Иванова С. «Слово огласительное на Пасху» свт. Иоанна Златоуста.
URL: http://azbyka.ru/paskha/ivanova_slovo_oglasitelnoe_na_pashu-all.shtml
5. Седакова О.А. Словарь трудных слов из богослужения: Церковнославяно-русские паронимы. М., 2008. 432 с.

© 2015, Аюпова Е.И.

Повтор как текстообразующий фактор (на материале «Огласительного слова на Пасху» свт. Иоанна Златоуста)

© 2015, Ayupova E.I.

Repeat as text-formation factor (based on the material of st. John Chrysostom's "Catechetical word for Easter")